

15
~~88~~
А 862

МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА, ОРДЕНА ОКТЯРЬСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М. В. ЛОМОНОСОВА

Факультет психологии

На правах рукописи

АРТЕМЬЕВА Елена Дрьевна

УДК.151.9

ПСИХОЛОГИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ СЕМАТИКИ

Специальность 19.00.01 - общая психология

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
доктора психологических наук

Москва - 1987

1

Работа выполнена в Московском ордена Ленина, ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Государственном Университете им. М.В.Ломоносова.

Официальные оппоненты:

доктор психологических наук, доктор филологических наук,
профессор А.А.Леонтьев

доктор психологических наук, профессор Р.М.Грановская

доктор психологических наук, профессор М.В.Гамезо

Ведущее учреждение – Институт психологии Академии наук СССР

Защита состоится " _____ " _____ 1987 г. в _____ часов на заседании Специализированного совета Д 053.05.48 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора психологических наук в Московском Государственном Университете им. М.В.Ломоносова по адресу: Москва, К-9, пр.Маркса, д.18, корп.5

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке факультета психологии МГУ

Автореферат разослан " _____ " _____ 1987 г.

Ученый секретарь Специализированного совета
кандидат психологических наук, доцент

В.В.Николаев

В.В.
81-234-12

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Проблема и ее актуальность. В современной советской психологии понимание психики как субъективного отражения объективной действительности сложилось на основании ленинской теории отражения, в том числе и тех ее положений, которые подчеркивают, что у человека отражение субъективно пристрастно, носит творческий характер, организующий отражение согласно целям практики. Поэтому вполне понятно острое внимание к тому классу психических проявлений, которые относятся к индивидуальному в отражении в связи с общим и общественным.

В настоящее время интерес к этим проявлениям реализован в признании задачи построения модели субъективного мира человека одной из основных задач психологии — построения модели того самого внутреннего мира, существование которого некогда предполагалось несовместимым с признанием отражающего характера психики, хотя он и является именно отражением, но отражением активным, аккумулирующим накопленные в течение жизни следы действительных предысторий (Б.Ф.Ломов, 1984).

Модель субъективного мира должна быть моделью, интегрирующей разные формы и уровни проявления субъективного, т.е. моделью системной. Позиционно построение такой системной модели (или разработки базисных ее узлов) подготовлено основными концепциями и теориями советской психологии (теорией деятельности А.Н.Леонтьева, установки Д.Н.Узнадзе, системной организации психических процессов и функций Б.Г.Ананьева, развития и организации высших психических функций Л.С.Выготского, А.Р.Лурия, отношений В.Н.Мясищева, индивидуальных различий Б.М.Теллова и развитием применения системного анализа в психологии (В.П.Кузьмин, Б.Ф.Ломов). Однако при позиционной четкости проблемы конструктивного ее решения пока не предложено. Представление мира человеком, порождение и функционирование его субъективного мира в языке конкретных, допускающих экспериментальное описание структур, пока не обсуждается — относительно целостно оно обсуждено в языке процессов. Это связано, в частности, и с тем, что до сих пор психология использовала модели функциональной структуры психической деятельности, а не содержательной ее структуры, модели, позволяющие двигаться от описания процесса к описанию представления и продукта, но не наоборот, в то вре-

1-1038

мя как содержательные структуры не менее полезны для описания представления мира человеком: говоря о том, что мы строим Образ Мира, вычерпывая его из объективной реальности, А.Н.Леонтьев отмечал, что получаемое в результате этого процесса еще интереснее, чем знание о средствах, с помощью которых протекает этот процесс — "что" не менее интересно, чем "как". Кроме того, можно предполагать, что на языке содержания удобнее говорить о вкладе в индивидуальное отражение предисторий деятельности.

Таким образом, одной из самых актуальных проблем современной психологии является построение системной содержательной модели субъективного мира, а необходимым звеном ее — разработка структурной модели субъективного опыта, связывающей предисторию деятельности субъекта и его представление мира. Именно эту проблему моделирования субъективного опыта, позволяющего конструктивно описывать субъективное структурирование входящего мира, мы и пытались решать в нашем исследовании.

Концепцией, в которую вкладываются конструкты, используемые и строящиеся в нашем исследовании, является высказанная А.Н.Леонтьевым концепция "образа мира", позволяющая понимать образ субъективного мира как интегратор следов взаимодействия человека (и человечества!) с объективной действительностью. Эта концепция допускает и требует конструктивную разработку экспериментатики и терминологии, обеспечивающих адекватное описание тех объектов психологической реальности, которые являются составляющими образа мира. В частности, не решена на сегодняшний день задача концептуальной организации эмпирического материала, подтверждающего тот факт, что мир принимается субъектом пристрастно структурированным, и характеристики этой структуризации существенно связаны с опытом пережитых деятельности. Связь структур опыта с образующими образа мира пока еще конструктивно не описана.

Мы пытались продвинуться в решении задачи разработки модели субъективного мира — построения конструктов, описывающих генерацию, преобразование и актуализацию следов деятельности. Одной из форм существования следа деятельности является субъективное отношение к объектам, явлениям, ситуациям, связанным с ее (деятельности) предметом, допускающее эксперимен-

тальную фиксацию в виде оценочного суждения или другой атрибутивной характеристики.

Исследование структур таких отношений является предметом психосемантики, а сами структуры традиционно называются семантиками. Для того, чтобы подчеркнуть нашу направленность на фиксацию в структурах отношений личной, индивидуальной истории деятельностей, мы будем называть исследуемые нами структуры субъективными семантиками, а разрабатываемую систему представлений о генезе, функционировании и актуализации субъективных семантик — психологией субъективной семантики.

В отличие от традиционной психосемантики объектами, отношение к которым измеряется в нашем исследовании, как правило, являются не понятия — объекты вторичного преобразования реальности, а реальные объекты мира. Так что основное внимание уделяется функционированию субъективных семантик в предметной деятельности — естественно, не потому, что функционирование семантик понятий и других социализированных продуктов отражения менее интересно, а потому, что предметная деятельность допускает непосредственное экспериментальное исследование некоторых феноменов, слишком сложно входящих в отношения социального. Такая стратегия движения исследования от более низших форм отражения к высшим просматривается в ленинском подходе к исследованию отражения, а в психологии она (линия движения) последовательно реализовывалась А.Н.Леонтьевым.

Другим основанием для работы с реальными объектами мира является отсутствие априорной их семантизации: при встрече с таким объектом человек заранее не знает, в какой категориальной системе надо с ним работать, и осуществляет выбор категориального контекста самостоятельно. Как было показано в работе, особенности такого выбора дают существенную информацию для решения поставленных нами проблем.

Цель и задачи исследования. Целью нашего исследования было создание экспериментальной концепции, позволяющей связать реальность деятельностной предистории с реальностью образующих образа мира: связать опыт и смысл. Способом достижения этой цели была разработка системы представлений о генезе, функционировании и актуализации следов деятельностей, регулирующих структурную презентацию мира субъектом — психологии субъек-

тивной семантики.

Для продвижения в задуманном исследовании нам пришлось решать ряд задач, прежде всего, инструментальных – методических и методологических. К числу последних мы относим разработку противопоставления содержательных и функциональных моделей и понятия парадигмальной психологической модели. Что касается разработки методического обеспечения, то оно состоит в предложении и использовании более 20 авторских методик и методических приемов. Следующим кругом задач были задачи экспериментального исследования той реальности, которая была гипотетически предложена: доказательство ее существования, выяснение ее свойств. Решается в работе и ряд прикладных задач, иллюстрирующих возможности применения методик и подходов психологии субъективной семантики в психодиагностике, дифференциальной психологии профессий, в медицинской психологии.

Предмет исследования. Предметом теоретического исследования была модель-концепция субъективных семантик – психология субъективной семантики. Проводилась концептуализация экспериментального материала в языке, связывающем предысторию индивидуальных деятельностей и смыслы, понимаемые как следы деятельностей, зафиксированные в субъективных отношениях. В экспериментальной части предметом исследования были феномены смысловой организации, соответствующие гипотезам концепции. В прикладной части – ситуации, соответствующие ряду задач дифференциальной психологии и допускающие описание в языке психологии субъективной семантики.

Объект исследования. В основной части исследования (часть II) в качестве объекта изучения привлекались группы людей с разными (специально варьируемыми) демографическими характеристиками (всего более 1000 человек). В прикладной части в экспериментах приняли участие профессионалы и обучающиеся профессиям: летчики, врачи, дизайнеры, художники, музыканты, программисты ЭВМ (около 500 человек), подростки, обучающиеся в средних профессиональных учебных заведениях профессиям сборщиц часов, педагогов, цветоводов-декораторов (175 человек) и студенты и школьники старших классов (около 200 человек). Методиками психологии субъективной семантики было обследовано более 360 больных депрессией разных типов, больных шизофренией и

больных с локальными поражениями головного мозга.

Гипотезы. Основная гипотеза исследования состояла в предположении о том, что следы деятельности образуют системы, устойчиво структурирующие внешние явления. По своей природе эти системы близки к смысловым образованиям. Они допускают экспериментальную фиксацию, а также обладают рядом свойств, позволяющих говорить о единстве (по отношению к разным типам внешних явлений) механизма их порождения. Конкретизацией этой гипотезы являются допускающие прямую экспериментальную проверку предположения о том, что:

- 1) существует визуальная семантика форм, и категориальная организация форм воспроизводима в эксперименте: по семантическим кодам изображений некоторого базисного набора, определенным представительной группой испытуемых, другие испытуемые, незнакомые с исходными изображениями, должны сопоставить изображения кодам или, в более сильном варианте, сопоставить коду собственный рисунок, близкий к исходному изображению;
- 2) объекты разных модальностей могут сопоставляться по своему семантическому коду, т.е. разномодальные семантики должны существовать и быть эквивалентными;
- 3) объекты любой природы могут образовывать семантики, эквивалентные тем, существование которых уже доказано: субъективный мир обладает семантическим единством;
- 4) эмоционально-оценочные свойства объектов являются ведущими в семантическом оценивании: они шире представлены в свободных описаниях, дают большее число актуальных координат семантического кода, актуализируются уже на ранних стадиях взаимодействия с объектом;
- 5) семантический код является регулятором взаимодействия с объектом, реальным квалификатором объекта: объекты опознаются и сопоставляются по своим семантическим кодам;
- 6) субъективная интерпретация шкал семантических дифференциалов связана с субъективным выбором смыслового контекста рассмотрения оцениваемых объектов, а одним из самых глубоких контекстов является язык эмоциональных состояний, сопровождавших деятельности с объектами;
- 7) одним из основных квалификаторов субъекта является пре-

имущественно выбираемый смысловой контекст, выражаемый в способе описания объектов мира: характеристики этого способа могут являться типобразующими параметрами для личностных, эвристических и профессиональных типологий;

- 8) характеристика субъекта типом преимущественного выбора смыслового контекста и особенностями самих семантических кодов может использоваться для получения нестандартной (в том числе и диагностической) информации в клинических исследованиях.

Методики исследования. В основной части диссертационного исследования строится экспериментальная модель-концепция общепринятым способом построения научных концепций, включающим этапы аксиоматизации объектов, формулировки структурной схемы концепции, экспериментального исследования этой схемы: доказательство существования введенных конструктов и их подчинимости гипотетической схеме.

Основными экспериментальными методиками явились регистрация семантических кодов (профилей семантических дифференциалов) и характеристик свободного описания объектов. Использовались многочисленные модификации схем и способов вторичного представления результатов семантического кодирования: рассмотрение полных и усеченных групповых или индивидуальных кодов, выявление семантических универсалий — списка актуальных координат кода, сплоченности, дисперсии и т.д. Использовались различные способы характеристики свободных описаний и других видов семантической продукции, в том числе и специально разработанные варианты экспертных оценок. В экспериментальной части работы широко использована методика тахистоскопического предъявления изображений для семантического оценивания в градуированном времени взаимодействия со стимулом. К числу методических подходов, разработанных нами или при нашем участии, относится оценивание объекта в нескольких модальностях, методика псевдоопознавания объекта по семантическому коду, семантического взаимопроектирования систем объектов разной природы, тестирование уровня и типа метафоризации, методика субъективной интерпретации шкал семантических дифференциалов, типизация замечающей реальности в связи с задачами профессиональной и клинической диагностики, методика выявления сохранности трансляции смыслов у больных шизофре-

нией и ряд других частных методик и методических приемов структурирования следов деятельностей, выделяющий и организующий существенный пласт психологической реальности.

Частным, но существенным результатом является разработка подхода к пониманию профессиональной ориентации как смысловой позиции в любой, в том числе внепрофессиональной, деятельности.

Практическое значение работы связано с возможностью использовать ее как источник методических приемов характеристики деятельностных свойств субъекта, разработанных нами или при нашем участии - в частности, методик прогнозирования успешности некоторых видов деятельности, предсказания деятельностных характеристик, измерения глубины принятия профессии и профессиональной склонности, ряда клинических методик, частично непосредственно внедренных в практику прикладных психологических исследований.

Результаты диссертационного исследования используются в основных и специальных учебных курсах и учебных занятиях в Московском Государственном Университете им. М.В.Ломоносова, в Ярославском Государственном Университете, в I Московском Медицинском институте им. И.М.Сеченова. Отдельные положения работы использованы в учебных пособиях и методических разработках.

На защиту выносятся следующие положения:

I. Следы деятельностей, зафиксированные в отношениях к реальным объектам мира, могут образовывать устойчивые категориальные системы - субъективные семантики. Существует визуальная семантика форм и ряд других визуальных семантик, модальные семантики тактильно и акустически представленных объектов, семантики вкусов, запахов, временных интервалов, предметов материальной культуры.

Методом прямого доказательства существования семантик является метод обратного эксперимента.

2. Субъективные семантики имеют единую структуру и взаимно проектируемы: отождествление объектов разной природы происходит по семантическому коду.

Взаимопроjectируемость семантик может быть использована для доказательства существования частных семантик.

3. Семантические коды объектов являются первичными регуля-

торами восприятия. В частности, они последними распадаются при нарушении организации семантического оценивания при восприятии объектов в клинике локальных поражений мозга.

4. При семантической квалификации объекта происходит отнесение его к определенному типу смыслового контекста - выбор замещающей реальности.

Адекватным методом регистрации преимущественного выбора замещающей реальности является использование модификаций методик свободного описания априорно несемантизированных объектов.

Для полного описания результатов субъективного семантического оценивания необходима регистрация по крайней мере двух его характеристик: характеристики оценки - семантического кода оцениваемого объекта и характеристики оценивания - выбора замещающей реальности. Природа семантического оценивания лежит в актуализации следов пережитых эмоций, сопровождавших деятельности.

5. Классификация профессий по предмету труда соотносима с типологией преимущественных выборов замещающей реальности.

Апробация. Многолетняя апробация результатов работы осуществлялась в ряде докладов на кафедрах нейро- и патопсихологии и общей психологии факультета психологии МГУ, на научных и методологических семинарах этого факультета (1970-1986 гг.), на кафедре общей психологии факультета биологии и психологии ЯГУ (1976-1981 гг.), на IУ Всесоюзном съезде Общества психологов СССР (1971), на конференции "Ломоносовские чтения" (1978), на постоянно действующем семинаре "Применение логики и математики в психологии и педагогике" при Совете по кибернетике АН СССР (1984, 1985), на Всесоюзных конференциях и симпозиумах по проблемам общей психологии, психологии личности, психолингвистики, искусственного интеллекта, психологии профессий и медицинской психологии, проходивших в г.г. Алма-Ате (1973), Москве (1974, 1982), Ярославле (1974, 1984), Таллине (1974, 1980, 1986), Звенигороде (1979), Смоленске (1979), Ростове (1985), на конференциях и Всесоюзных школах молодых ученых в г.г. Кокчетаве (1976), Душанбе (1977), Минске (1981). Основные итоги проведенных исследований отражены в 32 публикациях автора, общим числом более 30 авторских листов.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из трех частей, включающих введение, девять глав, заключение и прило-

ления. Основной текст диссертации содержит 394 страниц. Общий объем составляет 496 страниц. Имеется 56 таблиц, 15 рисунков и схем, список использованной литературы из 455 наименований (112 на иностранных языках). В приложении приводятся текстовые компоненты методик и результатов, таблицы и рисунки.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первой части диссертации рассматриваются теоретические основания для построения психологии субъективной семантики и логика развития экспериментально-психологического инструментария, адекватного поставленным задачам исследования.

В первой главе обосновывается необходимость исследования субъективного мира и субъективного опыта в том направлении, как это предлагается в диссертации, и обсуждается тип конструктов, которые могли бы лечь в основу модели структуры, связывающей предысторию деятельностей субъекта с его категоризацией объектов и явлений мира.

Подчеркивается, что такое интегральное образование как субъективное представление мира не образуется из ничего в каждом психическом акте, а несет в себе следы всей предыстории психической жизни субъекта, и должна существовать структура, организуемая эти следы, позволяющая им быть реальными регуляторами и строительным материалом субъективного образа мира - структура субъективного опыта.

Существуют многочисленные исследования, показывающие, что субъективный опыт, понимаемый как структурированные следы предшествующих реализуемому в данный момент психическому акту деятельностей, является регулятором деятельности, существенным д-етерминантом результата психической деятельности и, следовательно, представления мира. Достаточно вспомнить зависимость результатов восприятия от сложившейся в прошлых деятельностях категориальной сетки субъекта (Брунер Дж., 1977), готовности или неготовности ребенка к обучению в зависимости от его предшествующего опыта, срабатываемости или несрабатываемости подсказки в решении творческих задач при разных фазах актуализации структур опыта (Зарепский В.К., 1983, Тоидзе И.А., 1972), регулирующие восприятия предметными нормами (в условиях инвертированного зрения), являющимися ничем иным, как структурно зафиксированным опытом взаимодействия с предъявляемыми объектами в дея-

тельностью предистории (Леонтьев А.Н., Логвиненко А.Д., Столин В.В., Петренко В.Ф., Пузырей А.А. - 1976), ряд наших исследований зависимости способа работы с объектами мира от типа субъективного опыта. Об этом же говорят и работы по клинической нейропсихологии, изучавшие распад поведения в целом и частных его форм при различных затруднениях обращения к прошлому опыту или хранения следов (Дурия А.Р., 1973, Корсакова Н.К., Михалзе Ю.В., 1982).

Субъективный опыт, подобно образу мира, не может не иметь поуровневой организации. Говоря об уровневых свойствах образа мира, исследователи (Смирнов С.Д., 1981, 1983, 1985; Артёмьева Е.Ю., Серкин В.П., Стрелков Ю.К., 1983; Петухов В.В., 1984) выделяли различные слои этой структуры. Наиболее существенным является предложенное С.Д.Смирновым (1981) разделение поверхностных и ядерных структур: поверхностные структуры - чувственно оформленное представление о мире, а ядерные - отторгнутые от чувственности, амодальные, знаковые системы - отражение мира в целом. Не менее существенную логику разделения уровней, на наш взгляд, указал В.В.Петухов (1984) - разделение по "языку" описания: поверхностные структуры - это представления о мире, а ядерные - представления мира. Видимо, аналогична и логика выделения слоев субъективного опыта. Один из способов "расслоения" может быть связан с фазами формирования следа, второй - с качественной спецификой, "языком" описания следа. Очевидно "слоение" первого типа совпадает с выделением уровней отражения.

Предложенное нами с соавторами (Артёмьева Е.Ю., Серкин В.П., Стрелков Ю.К., 1983) "слоение" по форме существования следа выделяет слои, названные "перцептивным миром", в котором след не отделен от своей модальной, чувственной представленности; "картиной мира", где элементы слоя являются уже отношениями, а не чувственными образами, но еще сохраняют модальную специфичность; "образ мира" в узком смысле - слой амодальных структур, образующихся при обработке предыдущего слоя.

Специфическим и малоизученным слоем при таком разделении оказывается картина мира, следы деятельностей в которой зафиксированы в форме отношений. Вопрос об отношении личности к социализированным объектам как важной личностной характеристики обсуждался в психологии уже в начале века. В 20-30-е годы

А.Ф.Лазурский говорил об исключительной важности знания отношения личности к природе, продуктам труда, другим людям и группам, к материальным и культурным ценностям. В.Н.Мясищев разработал концепцию отношений ("отношений личности", "психологических отношений"), считая, что отношения образуют целостную систему связей личности с различными сторонами объективной действительности (Мясищев В.Н., 1960). Б.Ф.Ломов говорит о таких отношениях на модельно-кибернетическом языке, считая, что в процессе жизни в обществе у каждого индивида формируется система субъективно-личностных отношений, которую можно описать как многомерное "субъективное пространство", каждое из измерений которого соответствует субъективному отношению к труду, собственности, другим людям и т.д. (Ломов Б.Ф., 1984). Таким образом, идея фиксации следа в форме отношения является, может быть, нетрадиционной, но никак не противоречит общепринятой в психологии позиции. Принятие же понимания отношения к объекту, ситуации, явлению как формы существования следа деятельности с этими объектами, явлениями, ситуациями сразу сближает обсуждаемый в нашей диссертации подход с концепциями, использующими понятия смыслов и значений и с традиционной психосемантикой.

Проведенное обсуждение позволило сформулировать основную цель работы - построение модели структуры субъективного опыта, в основном, того его слоя, элементами которого являются отношения к объектам мира (построение психологии субъективной семантики) и ввести основные определения. Назовем смыслом (объекта, явления, ситуации) след взаимодействия с объектом, явлением, ситуацией в виде отношения к ним.

Системы смыслов по аналогии с соответствующими терминами психосемантики мы называем семантиками, а для того, чтобы подчеркнуть их соотнесенность с историями индивидуальных деятельностей - субъективными семантиками. В зависимости от модальности, в которой представляются объекты, подлежащие экспериментальному оцениванию, и типа этих объектов субъективные семантики называются по имени модальности и типа: например, "тактильная семантика съедобных объектов".

Система представлений о генезе, функционировании и актуализации субъективных семантик разномодально представленных естественных объектов мира, исследуемая в нашей работе, называ-

ется нами психологией субъективной семантики.

В диссертации показывается, что так введенное понятие "смысла" соотносимо со "смыслами" концепции образа мира А.Н.Леонтьева: определенный нами "смысл" является одной из форм существования "личностного смысла" А.Н.Леонтьева, но, возможно, не единственной формой. Отличие нашей модели от традиционных моделей психосемантики состоит в исследовании отношений к реальным объектам мира, а не к текстам, в специальном акценте того момента взаимодействия с объектами мира, когда выбирается смысловой контекст отношения к объекту, после которого начинается акт традиционного семантического оценивания - оценивания в известном контексте.

Во второй главе, предшествующей формулировке экспериментальных гипотез и отбору инструментального обеспечения их проверки, семантические измерения рассматриваются как модели - с целью выбора адекватного способа построения структурной организации нашей модели. Вначале устанавливается, что инструментальный семантический эксперимент, "умеющий" регистрировать следы взаимодействия с объектами на языке отношения к этим объектам, понимаемого в самом широком смысле (атрибутирование, оценка, приписание значения, экспликация эмоционального отношения и т.д.), принципиально может быть использован (с последующими поправками) как методическое обеспечение наших экспериментов.

Однако схемы всех известных семантических экспериментов так или иначе сводятся к построению семантических пространств в тех или иных процедурах обработки матриц сходства. Такое представление экспериментальных результатов остро ставит проблему адекватности априорной формальной модели, по крайней мере, в двух аспектах этой адекватности: статистической достоверности результатов процедуры и адекватности самой аксиоматической модели, т.е. в частности, существования реально устойчивой структуры семантических квалификаций стимулов. Для установления адекватности первого вида существует множество надежных подходов; адекватность второго вида в психологии до наших исследований не проверялась и установление ее требует отказа от представления данных семантического эксперимента в виде жестко заданных структур.

Таким образом, рассмотрение логики развития инструмента фиксации субъективного стимульного атрибутирования показало, что направление этого развития - в расширении стимульного материала и переходе к способам представления экспериментального материала, накладывающим меньшие ограничения: от векторных пространств к структурам более свободного типа (кластерам, таксонам) и далее - к фиксации вторичных свойств структур, без прямого их построения.

Показано, что задача исследования собственно субъективной модели мира человека или отдельных сторон представления мира требует пересмотра инструментария экспериментальной семантики и более того - пересмотра применения метода моделирования - необходимого перехода к моделям особого типа - "содержательным" "парадигмальным", адресованным к содержательной структуре деятельности, а также пошагового согласования с парадигмой предметной области.

Проблемы, связанные с построением и интерпретацией таких специальных моделей (моделирующих содержательную структуру деятельности и пошагово сопоставляющихся с предметной, психологической в нашем случае, концепцией), также обсуждены в этой главе диссертации.

Вторая часть диссертации содержит результаты собственно экспериментальной разработки психологии субъективной семантики. Она начинается формулировкой уже упоминавшихся в общей характеристике работы экспериментальных гипотез о существовании и единстве модальных семантик и свойстве семантических характеристик быть первичными квалификаторами объектов.

Третья глава посвящена частичной проверке гипотезы о существовании модальных семантик - прямому экспериментальному доказательству существования визуальной семантики форм.

В экспериментах исследовалось (в методике семантического шкалирования) отношение к априорно бессмысленным контурным изображениям. Обсуждены базисные и другие свойства стимульного набора. Представлены результаты шкалирования разными группами испытуемых (всего более 800 человек), подтверждающие устойчивость индивидуальных и групповых оценок. Введены активно используемые в дальнейшем анализе понятия актуальных (на заданном процентном уровне суждения) шкал объекта (шкал, одинаково

оцениваемых заданной процентной долей испытуемых) и семантических универсалий (списка таких шкал). При этом показано, что в однородных группах испытуемых разнонаправленность оценок связана не столько с индивидуальными вариациями оценок, сколько с неуверенностью в оценке каждого испытуемого.

Для подтверждения реального существования обнаруженных категориальных структур форм осуществлялся "обратный" эксперимент: испытуемым, не участвовавшим в основном эксперименте и не знакомым с набором стимульных изображений, предъявлялся список универсалий набора и предлагалось сопоставить их изображениям. В более острой схеме предлагалось нарисовать контуры, соответствующие спискам универсалий, а затем новые испытуемые сортировали рисунки на классы, соответствующие изображениям. Во всех случаях сопоставлений ошибки не превосходили 10%, т.е. не превышали случайной ошибки эксперимента.

Возможность реконструирования объектов по их атрибутам позволила считать доказанным тот факт, что эти атрибуты имеют устойчивую, воспроизводимую и транслируемую структуру, т.е. визуальная семантика форм существует.

В четвертой главе исследуются обоснования положения о первичности семантической регуляции и это положение используется для доказательства существования нового ряда модальных семантик и обсуждения их некоторых системных свойств.

Представлены результаты экспериментов по псевдоопознанию изображений по семантическому коду, подтверждающие ведущую роль семантического кода как квалификатора объектов: испытуемых знакомили с набором цветных изображений, в которых формы и цвета были представлены равномерно, а семантические коды стучались вокруг одной точки, затем предъявляли четыре новых изображения со сходным цветом, формой и кодом и предлагалось "вспомнить" - какое из изображений было в исходном наборе - 70-75% испытуемых псевдоузнавали изображение со сходным семантическим кодом. Аналогично при предъявлении цветных изображений в условиях ограниченного времени разглядывания псевдоопознание вновь было ориентировано на семантический код при малых временах предъявления.

Обсуждение в диссертации этих и ряда других более частных результатов позволило высказать предположение о том, что в первых фазах взаимодействия с объектом, в данном случае - с визу-

ально представленным объектом, семантический код является его квалификатором (гипотеза первовидения) и о том, что семантические коды разномодально представленных объектов должны быть сопоставимыми (гипотеза взаимопроекции семантик).

Изложены результаты экспериментальной проверки этих гипотез.

Описаны эксперименты по семантической квалификации изображений в условиях ограниченного времени предъявления, показывающие, что первым по времени актом, связанным с квалификацией предъявленного объекта, является обработка его семантического кода. Было выяснено, что при времени экспозиции объекта между 150 мсек и 300 мсек, когда изображение еще не опознается в традиционном смысле, семантические оценки его по актуальным шкалам не менее, а часто и более точны (согласованы по группе), чем оценки при неограниченном времени взаимодействия с изображением. Рисовки испытуемых увиденного на экране тахистоскопа во время кратких предъявлений существенно отличаются от предъявленных изображений по форме, но имеют тот же (оцененный экспертами) семантический код.

Эти результаты и результаты экспериментов по свободной квалификации изображений при разных временах экспозиции, осуществленных под нашим руководством И.Ю.Шурановой, позволяют считать, что экспериментально подтверждена гипотеза двустадийного восприятия визуально представленных объектов: на первом этапе осуществляется семантическая обработка объекта, а затем - собственно перцептивный анализ. Существует как бы два этапа квалификации объекта: его "допредметная", грубая эмоционально-оценочная квалификация и собственно предметное, категориально-понятийное рассмотрение. Представление о подобной стадийности хорошо согласуется с физиологическими исследованиями сопоставления временных параметров вызванных потенциалов на сенсорной и висенсорной стадиях работы со стимулом (А.М.Иваняцкий, И.А.Корсаков, В.Б.Стрелец), теоретическими взглядами на роль эмоций в регуляции психической деятельности (В.Н.Мясищев, В.К.Виллонас), данными экспериментальных и теоретических исследований регуляции восприятия предметными нормами и смысловыми образованиями (А.Н.Леонтьев, В.В.Столин, А.Д.Логвиненко, В.Ф.Петренко, А.А.Пузырей, Д.А.Леонтьев).

Описана экспериментальная проверка гипотезы о взаимопроектируемости разномодальных семантик, также подтверждающая первичность семантического кода при работе с объектами. Экспериментальная схема состояла в том, что испытуемому предлагалось оценить по шкалам семантического дифференциала наборы объектов двух модальностей (например, формы-поверхности, поверхности-пищевые продукты, формы-пищевые продукты, поверхности-запахи, пищевые продукты-музыкальные отрывки и т.п.), а затем предлагалось объектам одного набора сопоставить объекты другого набора. Сопоставление всегда проходило по семантическому коду: объекту одного набора сопоставлялся в другом наборе объект, имеющий наиболее близкий семантический код. Для снятия эффектов запоминания кода чаще всего оценивание объектов второго набора производилось после сопоставления. Иногда объекты второго набора конструировались самими испытуемыми: например, предлагалось сыграть музыкальный отрывок, соответствующий съеденному бутерброду, или нарисовать предъявленный запах. Во всех случаях сопоставление по наиболее близкому коду производилось не менее, чем в 70% проб. Специально проверялась статистическая значимость выраженности фономена: возможность его случайности была отвергнута с уровнем надежности, не меньшим 95%.

Утверждается, что самостоятельное значение результатов, связанных с взаимопроектированием семантик, состоит в подтверждении гипотезы о существовании единого механизма семантического атрибутирования разномодальных объектов, и вообще, объектов любой природы. Объект мира презентуется субъекту своим единообразно оцениваемым семантическим кодом.

Обсуждается, как взаимопроектируемость семантик может быть использована для доказательства существования частных семантик: если объекты некоторого набора семантически эквивалентны объектам другого набора, отношения к которым образуют семантику, то и отношения к объектам первого набора также ее образуют. С помощью этого приема было доказано существование семантик цветоформ, цветов, вкусов пищевых объектов, музыкальных фрагментов, поверхностей, запахов, интервалов времени, объектов, связанных с восприятием человеком человеком, некоторых систем объектов материальной культуры - в собственных исследованиях автора и в исследованиях, проведенных под нашим руководством (Н.А.Русина,

В.П.Серкин).

В пятой главе прослеживается, как происходит формирование смысла объекта, то, каким образом его явления в разных модальностях, разных предметных системах, следы действия с ним в разных ракурсах ситуации позволяют породить единый смысл объекта, управляющий его восприятием и использованием в новых, последующих тактах деятельности.

Не выходя за рамки традиционных уже представлений о том, что в формировании смыслов участвуют метафорические переносы и одним из физиологических механизмов метафоры является механизм синестезий, мы уточнили понятие метафоры как межсистемного переноса и в дальнейшем широко опирались на это уточнение, пытались конструктивно описать системы, между которыми происходит обмен проекциями частных символов.

Проведена типизация метафор, соответствующая, на наш взгляд, глубине межсистемных взаимодействий. Показано, что процессы метафоризации, действительно, имеют отношение к семантическому оцениванию: субъективно предпочтительный тип метафоризации связан с уровнем точности семантического оценивания.

При сквозном оценивании объектов (одни и те же испытуемые оценивали в разных модальностях один и тот же объект) была выяснена роль разных модальностей при оценке объектов: социализированные свойства объектов активнее оцениваются в зрительной модальности; объекты, предназначенные для удовлетворения первичных потребностей - в "старых" модальностях (тактильной, вкусовой).

Центральным ядром исследований, описанных в этой главе, было рассмотрение субъективных метафор шкал семантических дифференциалов для разных типов оцениваемых объектов. В результате экспериментальных исследований для некоторых типов объектов удалось выяснить, как именно интерпретируются шкалы семантического дифференциала при оценке этих объектов, какая психологическая реальность "подставляется" при оценке этих объектов. Было введено понятие замещающей реальности - типа явлений мира, который и оценивается при семантической работе с объектами, соответствующими этому типу замещающей реальности. Обсужден вопрос о том, что в случае явного деятельностного контекста

87-422-48

объекты однозначно находят свою замещающую реальность; в случае же экспериментов с заданием оценивания как такового выбор замещающей реальности является сильным проективным параметром.

Рассмотрены некоторые частные случаи пересечений замещающих реальностей при оценке объектов разных типов — общее поле метафор, позволяющее сопоставлять объекты по семантическим кодам. Приведены новые аргументы в пользу того, что глубинная семантика строится на метафорах, выраженных в языке коннотативными прилагательными, и единой замещающей реальностью для всех типов объектов является реальность следов эмоциональных состояний при взаимодействии с объектом.

Рассмотрен ряд методических следствий. Во-первых, обсуждена тактика предпочтений диффузных и специализированных семантических дифференциалов: для случаев известной замещающей реальности нужны специализированные дифференциалы, для случаев, когда открытие типа этой реальности и есть исследовательская задача, диффузные дифференциалы предпочтительнее. Во-вторых, указано на необходимость осторожности в интерпретации понятий "денотативные" и "коннотативные" прилагательные. Ряд ошибочных суждений некоторых исследователей связан с тем, что они отождествляли утверждения "оценка объекта является коннотативным отношением" и "объект описывается коннотативными прилагательными".

В шестой главе рассматриваются ситуации, в которых могут генерироваться новые смыслы — генез смыслов в непосредственно практической деятельности; присвоение смыслов при обучении и других видах направленной трансляции смыслов; перестройка смыслов в совместной деятельности.

Мы не исследовали экспериментально генеза смыслов в непосредственно практической деятельности, но изучение актуализации смыслов в несколько редуцированной ситуации наших экспериментальных схем, ставящей перед испытуемым задачу "узнать" смысл предъявляемого объекта, дает некоторый материал для формулировки общей модели движения смысла от момента встречи с объектом до генерации нового его смысла, преобразующего в случае необходимости высшую инстанцию субъективного опыта — ядерные структуры Образа мира. На стадии перцептивной работы с объектом (или с ситуацией) опознается генерализованный его смысл, который в

свою очередь является регулятором настройки сенсорных систем, вычерпывающих необходимую для деятельностной задачи перцептивную информацию об объекте. В частности, одним из направлений регуляции является выбор замещающей реальности. Образ объекта в своей конкретной чувственной данности обрабатывается операторами системы "перцептивного мира". Здесь выделяются частные смыслы объекта, переформирование которых в полный смысл объекта происходит в следующем слое семантической обработки, соответствующем следующему слою субъективного опыта - "картине мира". Далее принимается решение о том, является ли "новый" смысл конфликтным по отношению к ядерной системе смыслов и, если является, то конфликт разрешается на основании информации об успешности деятельности, в которой он возник, и в случае неадекватности "старого" смысла перестраивается сама ядерная структура.

Подробно обсуждается вопрос о динамике обработки смысла в экспериментах по семантическому оцениванию. Показано, какие аспекты психологии субъективной семантики могут быть изучены в данной экспериментальной парадигме.

Рассмотрена динамика присвоения смыслов при направленной их трансляции, например, при обучении. Экспериментально доказано (совместно с И.Б.Ханиной), что обучение не только создает новые когнитии, но и в первую очередь сдвигает отношение к объектам осваиваемой предметной области, подтягивая семантику обучаемых к семантике обучающего. В связи с этим предложен метод семантического контроля эффективности обучения.

Обсужден развивающий эффект участия в семантических экспериментах. Предложена одна из возможностей семантического повышения эффективности обучения - обучение категориям.

Показано также, что длительное групповое взаимодействие и совместная деятельность перестраивает системы групповых смыслов: сплоченность групповых семантических кодов - параметр, характеризующий согласованность оценивания - возрастает в таких ситуациях.

Рассмотрена динамика изменения групповых смыслов при семантических воздействиях и деятельностных взаимодействиях. Выделены стадии этой динамики: расшатывание установочных стереотипов, становление групповой семантики, закрепление присвоенных смыслов. Показано, что в диадических взаимодействиях логика и ин-

тенсивность перестройки смыслов зависит от принадлежности членов диады к активному или пассивному типу: оптимальная перестройка происходит в диадах "активный-активный"; в диадах "пассивный-пассивный" смыслы практически не перестраиваются; в диадах "активный-пассивный" адекватно смыслы перестраивают активные.

Обсуждены перспективы применения семантических методов в социальной психологии. Предложены подходы к измерению смысловой сплоченности группы. Высказаны предварительные предположения о возможности семантического измерения эффектов специально организованных групповых взаимодействий.

В третьей части диссертации рассматриваются прикладные психодиагностические задачи, решаемые с помощью методик субъективной семантики, выступающих на этот раз в качестве квалификаторов субъектов. Измерительные процедуры, используемые в этой части работы, так и называются "измерениями измерителей", в отличие от "измерений мира", описанных в предыдущей части. Основанием для такого подхода явилась высказанная и подтвержденная А.Г.Шмелевым гипотеза проекции — предположение о том, что конфигурация семантического пространства для стимулов, оцениваемых по шкалам личностного семантического дифференциала, является отражением личностных особенностей оценивающего субъекта, а также рассмотрение факторной структуры представления выделенных систем понятий в обыденном сознании как типобразующего параметра, реализуемое в работах В.Ф.Петренко. На основании этих результатов и результатов, изложенных во второй части нашей диссертации, в частности, факта взаимопроекции и единства семантик, можно расширить гипотезу проекции для любых стимулов и любых способов регистрации отношения к ним: устройство индивидуальных семантических структур, содержание семантических кодов и особенности способов семантизации являются отражением основных черт психологического статуса оценивающего, в том числе его личностных и манипулятивно-эвристических особенностей.

В седьмой главе диссертации описано корреляционное исследование связи особенностей семантического оценивания с личностными и эвристическими особенностями субъекта. Было показано, что типология свободных описаний изображений (в разделении "активное описание" — соответствующее большому количеству предло-

женных описаний, большей метафоричности, оригинальности и т.п. — и "пассивное описание") коррелирует с разделением на активно принимающих и пытавшихся разрешить фрустрирующую ситуацию в методике Розенцвейга и на принимающих эти ситуации пассивно. Типология семантических кодов и свободных описаний связана также с типологией по качествам "рисковный-осторожный" и преимущественной выраженностью мотивации достижения или мотивации избегания. Показано также, что особенности семантической продукции (кодов, описаний и т.п.), характеризуемой по параметрам богатства, оригинальности, метафоричности сопоставимы с такими особенностями манипулятивного статуса как активность принятия задачи, активность освоения средств ее решения, симультанность, качеством хранения следа и т.п. Утверждается, что полученные результаты позволяют сделать вывод о единстве личностно-эвристического и семантического статуса субъекта.

Специальной и важной в прикладном смысле задачей, обсуждаемой в этой главе, была задача предсказания успешности деятельности по семантическим характеристикам субъекта. Было показано, что такое предсказание возможно в двух вариантах. В случае наличия "обучающей выборки" успешных и неуспешных исполнителей данной деятельности устанавливается корреляция между успешностью и характеристиками семантики. В случае ее отсутствия по семантической типологии ищется тип деятельности (внутри заданных), наиболее соответствующий семантическому типу.

В качестве примера первого подхода рассматривалось предсказание успешности деятельности дизайнеров жилища. Сравнивались семантические особенности успешных и неуспешных дизайнеров. Выяснилось, что успешные дизайнеры в отличие от неуспешных имеют развитые направления семантического пространства форм, совпадающие с известными характеристиками оценки, силы и активности; используют как актуальные шкалы, совпадающие с универсалиями, но объекты оценивают по этим шкалам иногда противоположно нормативным. Дополнительно было показано, что успешное дизайнерское решение и есть взрыв смысла по нескольким актуальным шкалам — предложение объекта, имеющего код, близкий по большинству шкал к нормативному, но по некоторым — резко расходящийся с ним.

В качестве примера второго подхода рассматривалось осуществленное совместно с О.Р. Бондаренко исследование семантических

характеристик субъекта в связи с особенностями оперирования графическими знаками.

В восьмой главе рассматриваются решения ряда прикладных задач семантической дифференциальной психологии профессий. Вводится понятие мира профессии как совокупности специфических для данной профессии акцентов восприятия и отражения (оценки, категоризации, квалификации и т.п.) объектов и ситуаций и утверждается, что особенности семантических оценок и семантического оценивания, являясь основными характеристиками мира профессии, могут служить разделителями профессий по психологической структуре определяющего их труда, быть измерителями принадлежности к профессии, склонности к ней и глубины ее принятия.

Первый подход к построению таких характеристик основан на измерении отношений к профессионально значимым объектам. Показаны, например, существенные отличия отношения к малым интервалам времени (I сем - I5 сек) у летчиков и представителей других профессий: у летчиков эти оценки напряженней, более дифференцированы по интервалам, граница отношения к интервалу как к малому сдвинута ближе к I сек - даже по сравнению с оценками хирургов. Интерпретация содержания оценок отношений к малым интервалам позволяет предположить, что летчики платят за необходимость работы в сжатом времени моторным, деятельностным напряжением, а хирурги - эмоциональным.

Второй подход связан с оценкой совокупного семантического продукта. В дополнение к результатам исследования семантических особенностей художников и музыкантов, осуществленного автором совместно с Г.А.Урунтаевой, приводятся новые экспериментальные соображения в пользу того, что семантическая продукция этих групп различается по шкалам типа "конкретный-абстрактный", "мягкий, пушистый-твердый, гладкий" и обсуждается согласованность этих результатов с представлениями об адресации изобразительного искусства и музыки, их предмета, предназначения и характера труда.

Третий подход - характеристика профессии типом преимущественного выбора замещающей реальности. В этой терминологии интерпретируются результаты экспериментального исследования свободных описаний изображений подростками, обучающимися в средних профессиональных учебных заведениях, подготавливавших к

профессиям сборщиц часов, педагогов и цветоводов-декораторов, осуществленного автором совместно с Ю.Г.Вяткиным. Выяснено, что замещающей реальностью, преимущественно выбираемой будущими сборщицами часов, является непосредственно предметная реальность: девушки описывают изображения похожими на реальные предметы или формы, указывают материал объекта-ассоцианта и его предназначение, используют метафоры малой глубины. Будущие педагоги выбирают реальность антропоморфных свойств и межличностных отношений, характеризуя изображения как "умные", "контактные" и т.п. и используя большое число культурных клише. Будущие цветоводы выбирают реальность живых существ, наделяя изображения свойствами партнера по общению и используя большое число межмодальных метафор - объявлений изображения "душистым", "звенящим" и т.п. Такая отчетливая статистически значимая дифференциация позволяет считать, что типизация людей по преимущественному выбору замещающей реальности соотносима с классификацией профессий по предмету труда, предложенной Е.А.Климовым.

В девятой главе диссертации рассматривается возможность и эффективность применения подходов и методик психологии субъективной семантики в клинических исследованиях.

Обсуждаются результаты цикла экспериментальных исследований семантического оценивания при разных вариантах депрессий. Экспериментальная схема включала семантическое оценивание с помощью неспециализированного дифференциала относительно однозначно воспринимаемых объектов (текстов о ситуациях, предметных изображений) и априорно не означенных объектов (бесклеточных изображений, изображений ТАТ и т.п.), анализ семантических кодов с точки зрения положительности тона оценки и анализ состава группы шкал, объединяемых больными в фактор оценки. Выяснилось, что сдвиг отношения в сторону негативности общего тона характерен для однозначно воспринимаемых объектов. Для визуально представленных неопределенных объектов происходит завышение положительных и занижение отрицательных оценок, оценочными становятся шкалы, не несущие в норме оценочной нагрузки ("упорядоченный-хаотичный" и т.п.). Проявляется феномен дереализации отношения: при семантическом оценивании он состоит в снижении согласованности оценок и преувеличенном употреблении полюсов шкал типа "смущенный", "непонятный" и т.п.

Рассматривается возможный механизм феномена семантико-перцептивной защиты, впервые описанного А.Ш.Тхостовым и совпадающего по своим свойствам с наблюдаемыми нами особенностями семантического оценивания объектов разной природы рассматриваемыми больными.

Описаны особенности семантической квалификации объектов больными шизофренией. Основной результат состоит в том, что свободные описания изображений свидетельствуют: при выборе замещающей реальности больными принимается во внимание только один слой реальности — поверхностный слой собственно стимульных свойств изображений. Показана эквивалентность этой реальности субъективной реальности геометрических форм, демонстрируемой профессиональными геометрами при специальной инструкции, запрещающей ассоциировать изображения с какими-либо другими объектами. Одновременно показано, что трансляция упроченных смыслов в разделении "хороший-плохой" в некоторых условиях доступна для больных шизофренией. Больным предлагалось нарисовать изображение "лучшего друга" и "неприятного человека"; оказалось, что адекватное разделение перемешанных рисунков доступно как здоровым людям, так и самим больным.

Обсуждены результаты исследований (совместных с А.Ш.Тхостовым, М.Ш.Баймишевой, Л.С.Назаровой) семантического оценивания больными с латеральными поражениями головного мозга. Применялись методики семантического шкалирования, названия и свободного описания изображений, псевдоопознавания изображений по семантическому коду. Показано, в частности, что при шкалировании изображений больные с поражением, преимущественно локализованным в правом полушарии мозга, дают неадекватные (статистически значимо отличающиеся от нормативных) оценки по непосредственно-чувственным шкалам, а больные с поражениями левого полушария — по оценочным шкалам, отторгнутым от непосредственного чувственного восприятия.

Интерпретация этих результатов полагается подтверждающей гипотезу о функциональной роли правого и левого полушарий мозга как начинающего процесс взаимодействия со стимулом и продолжающего его. Логика нарушений квалификации объектов в методике названия изображений подтверждают эту гипотезу.

Замечается, что прикладная ценность методик психологии субъективной семантики в данном случае состоит и в том, что они позволяют конструктивно интерпретировать ошибки при квалификации объектов, в том числе, при их опознании.

Методика псевдоопознания изображений по семантическому коду дала еще более сильные результаты, чем в норме: больные с поражениями лобных долей мозга еще чаще, чем в норме, ориентируются на семантический код. Утверждается, что он остается последним регулятором опознания после разрушения всех других, т.е. является регулятором первичным.

В заключение приводятся основные выводы, полученные в диссертации:

1. Одной из магистральных задач психологии является концептуальное освоение накопленных и разработка средств получения новых результатов, подтверждающих факты пристрастной структурированности принимаемого субъектом мира и вскрывающие механизмы этой структуриации.

Одной из возможных моделей-концепций, продвигающих решение этой задачи, имеет право быть парадигмальная модель фиксирующей структуры, связывающей предистории индивидуальных деятельностей и регистрируемые в эксперименте субъективные категоризации.

Основными понятиями предлагаемой в работе такой модели-концепции являются понятия смысла как следа деятельности, зафиксированного в отношении к объекту, явлению, ситуации; субъективной семантики как системы таких смыслов; психологии субъективной семантики как системы представлений о генезе, функционировании и актуализации субъективных семантик, чаще всего, модальных семантик - субъективных семантик объектов, представленных в соответствующей чувственной модальности.

2. Основные гипотезы модели допускают прямую экспериментальную проверку и были экспериментально исследованы.

Было доказано существование ряда модальных семантик и семантик объектов, имеющих немодальную природу. Методиками прямого доказательства существования семантик является обратный эксперимент, когда испытуемые, незнакомые ранее с объектами, отношения к которым образуют семантику, "угадывают" объекты по списку свойств-отношений или воссоздают объекты по этим же

спискам, или доказательство эквивалентности исследуемой семантики некоторой заведомо существующей.

Вняснилось, что семантики всех исследованных до сих пор объектов эквивалентны в том смысле, что для человека без труда решаемой задачей является задача сопоставления объекту одной природы объекта другой природы, при этом сопоставляемыми оказываются объекты с наиболее близкими семантическими кодами. Отсюда следуют два существенных представления о природе субъективного мира: во-первых, представление о единстве субъективного мира; во-вторых - о первичности семантического кода как квалификатора объектов. Последнее представление подтверждается еще целым рядом экспериментальных результатов, в том числе фактом наиболее долгой сохранности семантического кода при распаде оценивания у больных с локальными поражениями головного мозга.

3. Экспериментальное исследование субъективной интерпретации шкал семантических дифференциалов показало, что тип метафор, подставляемых вместо прямой номинации шкал, с одной стороны является характеристикой субъекта, с другой - закономерно соотносится с той объектной реальностью, которая презентуется субъекту, но всегда связан с переживанием эмоциональных состояний, сопровождавших деятельность с презентуемыми объектами. Этот и ряд других экспериментальных результатов, связанных с доказательством первичности эмоционального компонента в семантических оценках, подтверждают представление о том, что семантическая оценка является следом переживания эмоциональных состояний, сопровождающих деятельность.

Выявленные закономерности субъективных интерпретаций шкал позволяют ввести понятие "замещающей реальности" - смыслового контекста, в который включаются человеком априори несемантизированные объекты. Тип преимущественного выбора замещающей реальности является существенной характеристикой субъекта, классифицирующей индивидуальные структуры субъективного опыта по способу и глубине отображения реальности.

Измерительными процедурами характеристики субъективных семантик являются регистрация семантического кода и определение типа замещающей реальности (или типа преимущественного выбора замещающей реальности).

4. Парадигмальная модель движения смысла по выделенным слоям структуры субъективного опыта (перцептивный мир, картина мира, образ мира) состоит в экспериментально обоснованном предположении о том, что при встрече с объектом прежде всего генерализуется его недифференцированный смысл. Сенсорные системы настраиваются согласно этому смыслу и начинается собственно перцептивная, соединенная с семантической, обработка стимула. В слое "перцептивный мир" предсмыслы объекта функционируют в виде неотторгнутых от модальной формы отношений. В слое "картина мира" происходит отторжение от модальности и формирование полного смысла. Полный смысл меняет или не меняет состояние глубинного слоя "образа мира" в зависимости от согласия или конфликтности со "старым смыслом" становится личностным смыслом.

5. Интерпретация процессов присвоения смыслов с помощью модели движения смыслов по слоям структуры субъективного опыта высвечивает особый аспект изучения процесса обучения, связанный с пониманием его как направленной трансляции системы смыслов обучающего. Модель помогает также конструктивно обсудить перестройку смыслов при воздействиях и при взаимодействиях в совместной деятельности.

6. Существует экспериментально регистрируемая связь между личностными свойствами субъекта, его особенностями эвристического обеспечения деятельности и свойствами семантического оценивания и семантических оценок.

7. Методики психологии субъективной семантики позволяют строить прогноз успешности индивидуальной деятельности.

8. Методики психологии субъективной семантики могут успешно применяться для решения ряда задач дифференциальной психологии профессий:

а) для различения психологических структур профессий методами регистрации отношения к профессионально значимым объектам,

б) для различения психологических структур профессий по особенностям семантического продукта,

в) для диагностики профессиональной склонности и глубины принятия профессии по типу преимущественного выбора замещающей реальности,

9. Типология преимущественного выбора замещающей реальности и типология профессий по предмету труда (в классификации Е.А.Климова) эквивалентны в том смысле, что каждому типу профессий однозначно соответствует свой тип преимущественного выбора замещающей реальности - по крайней мере для профессий "человек-техника", "человек-человек", "человек-природа".

10. Применение методик психологии субъективной семантики в клинических исследованиях позволяет добывать неочевидную информацию о нарушениях целостной деятельности и целемотивационного управления, дает возможность интерпретации неадекватных замен при квалификации объектов.

Выяснилось, что при депрессиях разных видов вместе с негативацией тона оценивания объектов мира возникает феномен семантико-перцептивной защиты, состоящий в тенденции к дереализации визуально представленных объектов. Это направленный характер перестройки состава шкал, входящих в фактор оценки, подтверждает, что это является следствием обеднения мотивации.

Одним из семантических проявлений дефекта при психических заболеваниях типа шизофрении является снижение глубины семантизации, патология выбора замещающей реальности. Это снова обращает внимание на необходимость исследования отношения таких больных не только к себе и социальным объектам, но и к объектам мира вообще, поскольку механизмы дефекта могут обнаруживаться уже в нарушении организации предметной деятельности, где они проявляются однозначнее и могут служить гипотезопорождающими основаниями для интерпретации патологии социальных проявлений.

Сохранность актуализации и трансляции смыслов больными шизофренией в условиях упрощенной задачи общения указывает на необходимость дальнейшей проверки гипотезы о том, что смысловая патология таких больных связана не только с нарушением смыслообразования, но и с нарушением функционирования предсмыслов в слове субъективного опыта "перцептивный мир".

Латеральные различия в трудностях семантического оценивания у больных с локальными поражениями головного мозга позволяют интерпретировать некоторые неадекватности квалификации объектов в терминах нарушений в конкретных звеньях механизма движения смысла по слоям субъективного опыта. С другой стороны,

информация об этих различиях позволила продвинуться в понимании функциональных ролей полушарий мозга в нормальном семантическом оценивании.

II. Предложенная модель-концепция является одной из возможных конструктивных интерпретаций концепции образа мира А.Н.Леонтьева и формально вкладывается в нее.

Однако разработанные в диссертации методические подходы позволяют освоить более мощный пласт эмпирического материала, первоначально полученного в других парадигмах: в ассоциативных экспериментах при изучении ассоциативных рядов, интерпретациях цветов и форм в методиках Льюера и Роршаха, в исследованиях самооценки в клинической психологии, понимания и оценки людьми друг друга и многих других исследованиях. Результаты их могут быть обсуждены в предлагаемых в работе терминах и схемах. Однако каждый раз степень и адекватность такой переинтерпретации — задача специального исследования.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

1. Артемьева Е.Ю. Психофизические измерения как модели перцептивных процессов // Материалы IУ Всесоюзного съезда Общества психологов СССР. Тбилиси. 1971. С.123.
2. Артемьева Е.Ю. Об использовании упорядоченных списков естественных операций для описания структуры мыслительных процессов // Мышление и общение. Материалы Всесоюзного симпозиума. Алма-Ата. 1973. С.12-13.
3. Артемьева Е.Ю., Мартынов Е.М. Вероятностные методы в психологии. М. МГУ. 1975. С.256.
4. Артемьева Е.Ю. О некоторых проблемах использования математических методов в психологии // Психология и математика. М. "Наука". 1976. С.163-181.
5. Артемьева Е.Ю. Об описании структуры перцептивного опыта // Вестник МГУ, серия I4, Психология. 1977. № 2. С.12-18.
6. Артемьева Е.Ю., Назарова Л.С. Об изучении перцептивных универсалий // Психолингвистические исследования. в.7. М. МГУ. 1977. С.3-10.
7. Артемьева Е.Ю., Назарова Л.С. Об экспериментальном изучении образных структур // Тезисы докладов Республиканской конференции молодых ученых и специалистов. Душанбе. 1977. С.73.

8. Артемьева Е.Ю., Баймишева М.Ш. Об операционной и содержательной структуре процесса осознания // Бессознательное. т.П. Тбилиси. "Мецниереба". 1978. С.331-340.
9. Артемьева Е.Ю. О некоторых подходах к описанию содержательной структуры деятельности в связи с задачами "искусственного интеллекта" // Психологические исследования интеллектуальной деятельности. М. МГУ. 1979. С.167-174.
10. Артемьева Е.Ю., Шипицына А.П. О единстве проявления особенностей операциональных и образных структур в познавательной деятельности субъекта // Исследование познавательной деятельности. Алма-Ата. 1979. С.3-8.
11. Артемьева Е.Ю., Баймишева М.Ш., Носоновская Г.М. Об использовании методик описания структуры субъективного опыта в клинике локальных поражений мозга // Исследование познавательной деятельности. Алма-Ата. 1979. С.41-48.
12. Артемьева Е.Ю., Урунтаева Г.А. Изучение особенностей семантизации как инструмент исследования личности // Личность в системе коллективных отношений. Тезисы докладов Всесоюзной конференции в г.Курске 20-22 мая 1980. 1980. С.19-20.
13. Артемьева Е.Ю. Психология субъективной семантики. М. МГУ. 1980. С.126.
14. Артемьева Е.Ю., Бондаренко О.Р. Об индивидуально-типологических особенностях оперирования визуальными стимулами // Проблемы мышления в производственной деятельности. Ярославль. Изд-во ЯрГУ. 1980. С.83-89.
15. Артемьева Е.Ю., Назарова Л.С. О некоторых онтогенетических особенностях субъективной картины мира // Психологические проблемы рационализации деятельности. Ярославль. Изд-во ЯрГУ. 1981. С.83-87.
16. Артемьева Е.Ю., Назарова Л.С., Носоновская Г.М. Латеральные феномены выполнения теста названия изображений больными с локальными поражениями мозга // Тезисы научных сообщений советских психологов к XXII Международному психологическому конгрессу. Часть II. М. 1981. С.239-241.
17. Артемьева Е.Ю. Семантические и мыслительные корреляты успешности профессиональной деятельности дизайнера // Мышление и общение в профессиональной деятельности. Ярославль. Изд-во ЯрГУ. 1981. С.50-57.

18. Артемьева Е.Ю. Взаимопроекции разномодалных семантик // Тезисы УП Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникаций. М. 1982. С.88-89.
19. Артемьева Е.Ю., Назарова Л.С. Нейропсихологические аспекты проблемы восприятия формы // А.Р.Лурия и современная нейропсихология. М. МГУ. 1982. С.131-137.
20. Артемьева Е.Ю., Урунтаева Г.А. О возможности определения групповых различий посредством описания семантических пространств и перцептивных универсалий. Депонированная рукопись. Информкультура. № 372 от 7.2.83. С.28.
21. Артемьева Е.Ю., Урунтаева Г.А. Семантические методики исследования творчества. Депонированная рукопись. Информкультура. № 379 от 7.2.83. С.32.
22. Артемьева Е.Ю., Стрелков Ю.К., Серкин В.П. Описание структур субъективного опыта: контекст и задачи // Мышление, общение, опыт. Ярославль. Изд-во ЯрГУ. 1983. С.99-108.
23. Артемьева Е.Ю., Урунтаева Г.А. Изучение структур субъективного опыта в условиях неопределенных инструкций // Мышление, общение, опыт. Ярославль. Изд-во ЯрГУ. 1983. С.108-118.
24. Артемьева Е.Ю. На пути к математической психологии: парадигмальные модели // Психологическая наука и общественная практика. Тезисы сообщений к УІ Всесоюзному съезду Общества психологов СССР. ч.П. М. 1983. С.271-278.
25. Артемьева Е.Ю., Древалъ А.В., Ханина И.Б. Образная репрезентация как элемент обучающего общения // Вопросы повышения эффективности обучения и воспитания студентов в медицинском ВУЗе. М. Изд-во I МолММ им. И.М.Сеченова. 1983. С.113-118.
26. Артемьева Е.Ю., Сорокина Т.И. Рефлексия ситуаций разной субъективной сложности // Мышление и общение в конкретных видах практической деятельности. Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной межвузовской конференции "Мышление и общение в производственной деятельности" Ярославль. 1984. С.4-6.
27. Артемьева Е.Ю., Ханина И.Б. Обучение профессии как перестройка составляющих субъективного опыта // Мышление и общение в конкретных видах практической деятельности. Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной межвузовской конференции

- "Мышление и общение в производственной деятельности" . Ярославль. 1984. С.6-8.
28. Артемьева Е.Ю., Серкин В.П. Оценка субъективного переживания времени как инженерно-психологическая методика // Проблемы инженерной психологии. Тезисы VI Всесоюзной конференции по инженерной психологии. Л. 1984. С.9-10.
 29. Артемьева Е.Ю. Семантическая оценка привлекательности интерьера // Дизайн знаковых систем. Труды ВНИИЭ. серия Эргономика. в.27. 1984. С.95-108.
 30. Артемьева Е.Ю., Лучко Л.Н., Стрелков Ю.К. Методика изучения трудовых действий // Вопросы психологии. 1984. № 5. С.149-152.
 31. Артемьева Е.Ю., Вяткин Ю.Г., Серкин В.П. Субъективная семантика и когнитивный стиль // Когнитивный стиль. Таллин. 1986. С.201-204.
 32. Артемьева Е.Ю., Стрелков Ю.К. Следы эмоций в структуре субъективного опыта // Эмоционально-волевая регуляция поведения и деятельности. Тезисы II Всесоюзного семинара молодых ученых Симферополь. 19-24 мая 1986. М. 1986. С.24.
 33. Артемьева Е.Ю., Вяткин Ю.Г. Психосемантические методы описания профессии // Вопросы психологии. 1986. № 3. С.127-133.
 34. Артемьева Е.Ю., Иванова О.И. Семантические измерения групповой сплоченности в условиях совместной деятельности // Актуальные проблемы социальной психологии. Тезисы научных сообщений Всесоюзного симпозиума по социальной психологии. Кострома. 1986. ч.IV. с.6.

Подписано в печать 11/12 86.

Формат 60x90/16.

Усл. печ. л. 20 Уч.-изд. л. 1,34

Тираж 100 экз. Заказ № 2038

Ордена "Знак Почета" издательство Московского университета.
103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.
Типография ордена "Знак Почета" издательства МГУ.
119899, Москва, Ленинские горы.

102

254-12